

Мнение о повести «Слово о полку Игореве»

Коннов И.В.

konn-igor@ya.ru

В самом начале автор «Слова о полку Игореве» (далее — «Слова») говорит, что это повесть или рассказ. Известны и другие определения, но можно назвать «Слово» повестью. История её хорошо известна, сделаны сотни переводов со старорусского языка, написано огромное количество статей и книг. Значительную их часть можно найти, например, на сайтах <http://feb-web.ru/feb/slovo/default.asp> и <http://slovoopolku.ru/>, а также в ссылках в размещенных там работах. Поэтому пересказывать всё нет необходимости, тем более что многие материалы свободно выставлены в интернете. Но всё-таки я посчитал, что высказать своё мнение будет вполне уместно.

Прежде всего надо сказать, что в дискуссиях о том, является ли «Слово» произведением XII века или это подделка-стилизация XVIII века, все как-то подзабыли о таком важнейшем принципе, как презумпция невиновности применительно к литературе. Это значит, что должны быть серьёзные явные доказательства того, что произведение поддельное, только тогда их надо принять во внимание. Здесь же во многом наблюдалась совсем иная картина: вместо доказательств скептики выражали сомнения, основанные не на фактах, а более на собственных фантазиях и взамен требовали строгих доказательств подлинности. Действительно, за время всё время дискуссии никаких прямых или явных доказательств в пользу подделки или стилизации не было представлено. В самом начале, после обнародования «Слова» в 1790-х годах, издания в 1800 году и вплоть до обнародования «Задонщины» в 1852 году, основными аргументами скептиков были: отсутствие произведения такого же уровня в XI-XII веках и случаи создания других поддельных произведений в XVIII и XIX веках. Примечательна реакция скептиков по поводу обнаружения в книге «Апостол» записи, сделанной в 1307 году, которая почти полностью повторяет абзац из «Слова», что «запись может восходить к другому более раннему оригиналу». Но тогда надо было предъявить этот оригинал. Это и будет доказательством, а иначе все это чистые фантазии, а оригинал — это «Слово».

Тем не менее, вопросы о близких к «Слову» сочинениях средневековой Руси вполне правомерны, а со временем такие сочинения, подлинность которых уже никто не оспаривает, были найдены. Таковым сочинением является «Задонщина» XIV века, причём любой непредубеждённый читатель, даже не

специалист, при сравнении её со «Словом» сразу определит, что она содержит многочисленные прямые и косвенные заимствования из «Слова», тем самым подтверждая подлинность «Слова». Поэтому настойчивые попытки доказать любой ценой обратное вызывают серьёзные сомнения в чисто научных мотивах этих попыток, то есть дают все основания полагать, что за этими попытками стоят прежде всего соображения идейно-политические. Впрочем, существуют и другие мотивы для появления «нетрадиционных» толкований «Слова», прежде всего желание заявить о себе, используя столь известное всем сочинение. Большинство подобных критиков обычно мало заботятся о каких-либо аргументах, а больше используют внешние похожести или какие-либо другие «громкие» дела Средневековья или Просвещения. Это не значит, что любая критика здесь должна сходу отвергаться, поскольку есть много критических статей с замечаниями по отдельным вопросам повести, которые сделаны достаточно обоснованно и заслуживают серьёзного внимания.

Остановиться на этом месте означало бы, что автор решил только высказать свою позицию и ограничиться общими декларациями. Поэтому я хотел бы обсудить некоторые конкретные вопросы, связанные со «Словом». Не имея возможности изучить всю имеющуюся литературу по этому вопросу, я хотел бы заранее извиниться, если какие-либо из приводимых ниже утверждений встречались ранее, но при этом здесь не сделано соответствующей ссылки. Тексты рукописей приводятся по книге [1]. Надо указать также на две важнейшие современные научные работы по «Слову» [2] и [3], которые здесь не будут обсуждаться.

Начнём с фрагмента «Слова»:

«Дремлетъ въ полѣ ... гнѣздо. Далече залетело! Не было онѣ обидѣ порождено ... половчине!»

Первое предложение содержит одну из известных аллитераций «Слова». Сопоставляя «Слово» и «Задонщину», в [4] автор утверждает: «Фраза может создать у читателя впечатление о непобедимости войск Игоря. Но его войска были разбиты половцами». Это считается в [4] обоснованием недостаточно гармоничного заимствования фрагмента из «Задонщины».

Удивительно! Ведь автор «Слова» таким образом лишь подчеркивает всю трагичность событий, когда мужественные и умелые воины под руководством князей из известной своей храбростью семьи Ольговичей терпят поражение, а князья попадают в плен. Следует отметить, что этот прием противопоставления является основой и в «Слове о погибели Русской земли», когда вначале описывается могущество Русского государства в XI-XII веках, а потом говорится о поражениях. Отметим, что в «Слове» указан путь — объединённые действия князей.

Теперь обратимся к соответствующему фрагменту «Задонщины»:

«И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братие и князи руские, гнѣздо есмя ... Киевского! Не в обиде есми были по рожению ... сему Момаю!»»

Прежде всего, здесь не авторская, а прямая речь князя Дмитрия по аналогии с обращением князя Игоря: «Братие и дружино!» Причём допущена ошибка, поскольку братьями князь Дмитрий мог назвать только князей, то есть здесь просто повтор. Вместо Олега Святославича указан его прадед Владимир Святославич как родоначальник всех князей, что достаточно понятно, поскольку князья принадлежат к разным родам (семьям), но всё равно восходят к нему. Тем не менее отсылка к Владимиру и утверждение о том, что не в обиде были рождены князья его семьи, вызывает сомнение, поскольку в самом начале «Задонщины» говорится о поражении и пленении Русской земли. Но тогда ей правили князья из того же дома. Более того, в XIV веке все русские князья, в том числе и Дмитрий Иванович, обязаны были получать ярлыки на свои княжения в Золотой Орде. С чем было сопряжено получение таких ярлыков, тоже хорошо известно. Так что фрагмент «Задонщины» неоднозначен. Тем не менее, в [4] он считается более гармоничным. Честно говоря, после таких «доказательств» теряется интерес к просмотру остальных.

Другой фрагмент «Слова»:

«Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть ... уедие».

Он находится в конце описания усабиц Олега Святославича — главы «Ольгова гнезда». Предыдущее предложение повести, также осуждающее его «крамолы», как раз было включено в дополнение к «Апостолу» 1307 года. Оба предложения весьма красочно и образно рисуют трагическую картину последствий многолетних усабиц, развязанных Олегом Святославичем ради занятия княжеского стола в Чернигове, когда вместо криков пахарей на полях слышны были только крики птиц, летящих за погибшими на этих полях. Дальше в «Слове» идут картины завершения сражения и пленения князей.

В «Задонщине» ему соответствует абзац:

«И в то же время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют, ... грозно бо бяше и жалостно тогды слышати; занеже трава кровию пролита бысть, а древета тугою к земли приклонишася».

Вторая часть абзаца соответствует в «Слове» картине поражения от половцев: «Ничить трава жалошами ... преклонишася». Подобный фрагмент есть также в «Слове» при описании гибели Ростислава Всеволодовича в Стугне: «Уныша цвѣты жалою ... прѣклонилося». Оба этих фрагмента не имеют отношения к описанию усабиц в «Слове». Далее, приведённый фрагмент «Задонщины» находится после описания гибели русских воинов на Непрядве в начале сражения. Перед этим указано точное время: с утра до полудня 8 сентября (в субботу на Рождество святѣй богородицы). Сразу после приведённого фрагмента «Задонщины» идёт описание плача жен погибших русских воинов, в том числе и на следующий день. Поэтому приведённый фрагмент, собранный из двух разных мест «Слова» с указанием места (на Рязанской земле около Дона), указывает на место Куликовской битвы и на время этой битвы, то есть если бы её не было, то там бы слышны были клики пахарей и пастухов. Однако это утверждение представляется полным абсурдом.

Во-первых, в 1380 году в Рязанской земле вплоть до Куликовской битвы не было никаких сражений; во-вторых, князь Олег Рязанский не принимал участия в Куликовской битве и в итоге занял нейтральную позицию, то есть жители Рязанской земли никак не пострадали; в-третьих, короткий период битвы никак не мог сказаться на полевых работах; в-четвертых, никаких пахарей (ратаев) в день сражения вообще не могло быть на полях, поскольку основная пахота проводится весной, а пахота озимых на поле под паром — в начале или в середине августа, по погоде. В конце августа могут сеять озимые. Но обычно в это время (в начале сентября) проводится обмолот зерновых. Отметим, что в «Слове» всё указано правильно, поскольку уособицы тянулись многие годы даже и после занятия князем Олегом Чернигова. В XIV веке время всех полевых работ было хорошо известно любому взрослому жителю Руси, поэтому поместить такое утверждение в оригинале вряд ли кто-то бы решился. Фрагмент из «Слова» был взят для большей выразительности, но в приведенном месте он слишком уж противоречил здравому смыслу, поэтому были попытки это сгладить, в частности, «добавив» пастухов. Тем не менее, такая несуразность только подчёркивает, что оригиналом является «Слово». Отсюда также можно заключить, что из-за подобных явных несоответствий заимствованных фрагментов из «Слова» текущему контексту «Задонщины» проводились редакторские правки, что привело к нескольким различающимся вариантам «Задонщины».

Что к этому можно добавить? Простое сравнение «Слова» и «Задонщины» достаточно явно указывает на использование в «Слове» более старых оборотов, в том числе тюркских, что отмечалось многими исследователями. Например, «кикахуть» — «кличют», «истягну» — «истезавши» и так далее. В целом в «Слове» удивляет многообразие и красочность литературных приёмов, тогда как в «Задонщине» использована лишь небольшая их часть. Например, тема губительных княжеских уособиц, к которой всё время обращается автор «Слова», совершенно отсутствует в «Задонщине», что понятно из-за изменившийся за два века общественно-политической обстановки. Также отметим одухотворение сил природы в «Слове». Например, не только князь Игорь обращается к Донцу во время побега из плена, но и Донец обращается к нему.

Одним из отличий «Слова» являются хорошо известные аллитерации, в «Задонщине» используются только простые, например, «трубы трубят». Вот очень яркий пример такой аллитерации в «Слове»: «... стязи глаголють: «половци идуть»; от Дона, и от моря, и от всѣх странъ рускыя плѣкы оступиша». Ведь флаг (стяг), когда развевается на ветру, похож на букву «Г» (глаголь), глаголют — говорят, слово намекает на трепетание флага, то есть флаги, трепещущие на ветру, сами говорят о том, что половцы идут. Трудно предположить, что эту фразу мог написать человек, который сам не видел, как глаголют (трепещут) флаги на древках в поле на ветру над большим войском.

Хотел бы ещё напомнить о заметке А.С.Пушкина о «Слове», к сожалению, неполной [5]. Помимо других, там есть очень интересный комментарий ко второму абзацу «Слова»: «Боян бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашися мыслию по древу, сѣрым волкомъ по земли, шизым орломъ подь облакы ...». Здесь, считает А.С.Пушкин, после «мыслию» пропущено слово, должно бы стоять «славию», что достаточно естественно, поскольку на примерах поведения птиц и животных показывает, как Боян растекается (разбегается) мыслью, более того, ниже в обращении к Бояну прямо написано: «скача, славию, по мыслену древу».

Что же касается множества сочинений, появившихся сравнительно недавно как в интернете, так и в солидных издательствах и содержащих «нетрадиционные» или «сенсационные» толкования «Слова», то, к сожалению, они как правило изложены в развязном тоне, с безапелляционными заявлениями, с навешиванием ярлыков на оппонентов, с патетическими фразами, переходящими местами в истерику, что само по себе исключает нормальную дискуссию. В общем, используются все хорошо знакомые журналистские приемы для того, чтобы даже не убедить, а просто навязать своё мнение. Разумеется по этой причине никаких ссылок на такие «сочинения» не приводится. Лучше самостоятельно прочесть оригиналы обсуждаемых повестей.

Литература

1. Воинские повести Древней Руси. — Л.: Лениздат. 1985.
2. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
3. Бобров А.Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — 2014. — Т. 62. — С. 528—553.
4. Зимин А.А. «Слово о полку Игореве». — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. (<https://tech.wikireading.ru/hfA16DH0ba>)
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений. — М.: Правда, 1981. — Т. 6. — С. 311—317.